

СКОЛЬКО БЫЛО ХОРОШЕГО

Истинный учитель – это мечтатель

О. Бальзак

Свойства памяти удивительны. Она порой сохраняет такие нюансы, которые в момент общения с человеком не были актуальны и значимы. Вот и сейчас, когда я перебираю в памяти годы знакомства, и, не побоюсь этого слова, дружбы с Алексеем Ивановичем Пискуновым, всплывают голографические картинки тонов и полутонов восприятия его – учёного, руководителя, удивительно современного, стильного во всём, устремлённого к общению с молодёжью. И в тоже время очень взыскательного к себе и другим, неоднозначного в оценках других, что касается его личностных качеств, и единодушных в оценке научной компетентности, безоговорочного принятия профессионализма академика А.И. Пискунова.

На собеседовании при поступлении в аспирантуру института общей педагогики АПН СССР в 1979 году я, ассистент кафедры педагогики Новосибирского пединститута, и не помышляла стать аспиранткой А.И. Пискунова. Тем более что его оценочные суждения в адрес направленности исследований некоторых учёных нашего вуза меня не вдохновили, а фраза, брошенная им – «возможно, будем рекомендовать», ввела в состояние скорее безразличия, чем спортивного азарта доказать, что мы совсем не периферия науки вообще и педагогической, в частности.

Осенью того же года я была принята в аспирантуру, и у нас состоялся конкретный разговор об исследовательском направлении. Прозвучавшая фамилия предполагаемого научного руководителя обозначенной сектором темы научного исследования ввергла меня определенно в состояние безнадежности, что и отразилось на моем ответном «предложении» Алексею Ивановичу – быть моим научным руководителем. Только неискушенный провинциал может так лихо реагировать на все тонкости научно-педагогической реалии. Именно такой я и была: уверенная в своей «гениальной» идее самой выбирать и исследовательских способностях. Правда, это длилось недолго.

Сейчас понимаю, мне был выдан аванс в виде согласия быть научным руководителем, но и определены конкретные сроки представления обоснования своей будущей диссертации.

Чем сопровождалось это время постановки себе вопросов и поиска ответов на них – не пересказать. Консультации «бывалых» аспирантов 2 -3 курсов рисовали совсем не радужные перспективы моего будущего, пугали, предупреждали, но не изменили моих планов. Правда, ожидание в приемной моего часа – встречи с Алексеем Ивановичем напугали значительно больше. Кроме меня в приемной ждали и известные мне по книгам и публикациям учёные весьма почтенного возраста. Через контекст разговоров между ними поняла, что предстоит мне серьёзный экзамен и выдерживает его не каждый!

С этого времени я отчётливо поняла необходимость некоего соответствия. Как будто появилась потребность, вернее, она так быстро формировалась в соответствии, иначе говоря – необходимости ставить вопросы и искать ответы на уровне знака качества.

Школа А. И. Пискунова в первые месяцы обучения в аспирантуре для меня ассоциировалась в некоем дисциплинарном контексте: вовремя принести материалы, отчитаться о проделанной работе, задать вопросы по существу, не выглядеть наивной провинциалкой, получить разрешение съездить домой. И только к концу года я стала способна видеть в своём научном руководителе человека не стандартно мыслящего, увлечённого как педагогической наукой, так и всей социально-культурной реальностью нашей жизни.

Разговоры с Алексеем Ивановичем стали для меня как живая и интригующая летопись ПЕДАГОГИКИ и ЖИЗНИ. Причем тебе в этом разговоре не отводилась роль статиста, восторженно и умно внимающего информацию. Для меня (думаю, что и для большинства аспирантов, приехавших из разных регионов) общение с ним «на равных» было как TERRA INCOGNITA. Но, когда Алексей Иванович приглашал нас домой, то разговор начинался совсем не о науке, его интересовало не столько количество и качество исписанных страниц, сколько личная судьба каждого из нас – семья, дети, родители, их здоровье. Причем, память Алексея Ивановича сохраняла имена всех наших близких и родных, подробности значимых событий, дальнейшая судьба.

И потом, по прошествии времени по телефону или при личной встрече он всегда начинал разговор с простого вопроса: как жизнь и здоровье близких, чем занимаются дети, где и как отдыхали, что читали и т.д. Неподдельный интерес к членам семьи аспирантов, чуткость к деталям жизни, радостная реакция на знаменательные события в жизни каждого из нас. И конечно всегда рядом с ним – его «строгий» цензор, заботливая и влюбленная супруга – Лидия Ефремовна, не только ироничная к нам, но и понимающая нас и наши проблемы. Как часто на критичные замечания Алексея Ивановича в адрес работы звучали в защиту нас слова Лидии Ефремовны: «Аля, перестань, не обижай девочку, ты слишком строг!». Верить нам, что собственно означает доверять, определяло нравственную связь между нами.

Так, по крайней мере, сложилось у меня. И это создавало своеобразную подушку безопасности между работой над диссертацией и эмоциональным напряжением жизни вне семьи. Алексей Иванович таким образом помогал переживать время расставания с семьей.

Период 70-х и начало 80-х характеризовался особым отношением к представителям науки. Такая «трудовая повинность» как отработка на овощной базе была обязательной для научных сотрудников НИИ АПН СССР, в том числе и института общей педагогики, где я училась в течение 2-х лет. Нам, аспирантам, «доверялась» эта работа. После очередного трудового почина я простудилась, о чем и узнал Алексей Иванович. Его реакция была неожиданной не только для меня. Он вызвал меня и задал только один вопрос: с какой целью я приехала в аспирантуру: для работы на овощехранилище или над диссертацией? А Валентине Александровне, заведующей аспирантурой, категорически запретил привлекать к этой общественной работе аспирантов. Что это было? Забота о здоровье аспирантов или забота о продуктивности и результативности их работы? Наверное, и то и другое. А еще любовь к правде, ибо честность называли во все времена основной добродетелью ученого, как и любовь к науке. А это отдельная составляющая в моей памяти об учителе.

«Многострадальная педагогика» – так часто называл нашу науку Алексей Иванович. И в его словах звучала боль за происходящее, за голословное низвержение классики педагогики, за новации, которые прикрывали давно известное. Думаю, нашей аспирантской семье и (имею в виду

тех, кто действительно причислял себя к ученикам Алексея Ивановича) повезло. Не забываю той «кухни» здоровой педагогики, которую мы «потребляли». Обсуждение формулировок тем диссертационных исследований, которые уже прошли ВАК или принесённых собственных материалов проходили в логике – «всегда сопротивляйся, никогда не подчиняйся!»

Мы помним, мы любим, мы привязаны к тем ценностям, которые он почитал, мы дорожили и дорожим дружбой с ним. И это чисто человеческое состояние.

«Жизнь была бы не полна, если бы в ней совсем не было печали и горя. Жестоко так думать...», - записал в своих дневниках Д.С. Лихачёв, благодаря жизнь, несмотря на все её трудности. «Сколько было хорошего при всем бессильном стремлении многих и многих причинить мне дурное». Как здорово сказано! И как точно! Как будто эти же слова мог произнести мой учитель!